4-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ

Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Тел. редакции и конторы 5-49-78.

1926 ГОД.

ДУХОВНАЯ ПИЩА

Рис. Б. Антоновского

Живая церковь открывает столовую для прихожан-живоцерковников.

— Какое сегодня дежурное блюдо, отец Паисий?
— Кутья соус тартар и просфора под бешемелью...

ВОПРЕКИ КОНСТИТУЦИИ СССР

Рис. В. Лебедева

До сих пор много пишут о трудности попадания в кинематографы по профсоюзным билетам, в то время как администрация кино продает билеты нэпманам.

НЭПМАН, ЗАНИМАЮЩИЙ ПРОФСОЮЗНОЕ МЕСТО.

КИНО-БОРОДИНО

(воспоминание о 25-м годе)

В крупных городах С. С. С. Р. нередки случаи драк и форменных „побоищ" между администрацией кино-театров и обладателями профсоюзных льготных билетов, не могущи и по несколько дней попасть на сеанс.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Ты вышибал одним ударом
Любую дверь кино?
Да... Были фильмы боевые—
Пущали кровь, крушили выи
Мы, проф-билеты рядовые,
забытые давно!
Эх... Были люди в наше время
Не то что ваше кино-племя,
Совсем иной заряд...
На фильму с Пикфорд аль с Дугласом
По тридцать суток ближе к кассам
В толпе врагов мы час за часом
Выстаивали вряд.
Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
По что вытягивают жилы?
Мы все выходим в старожилы,
Нам двери—в к лаки!
Сам-от станка, отец ребятам,
Наш вождь старик рожден был хватом.
Мы завопили благим матом:
Вали! Мы за тобой!!
И молвил он сверкнув очами,
Ребята! Профсовет—за нами!
И мы вступили в бой.
Рать б летерш в дверях визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И стеклам пролетать мешала
Гора избитых тел.
Вам не видать таких сражений,
Визжали Муры, Нюры, Жени,
Во тьме экран блестел...
Эх... Были фильмы боевые,
Пущали кровь, крушили выи,
Мы, проф-билеты рядовые,
Забытые давно!..
Да... Вижу, дядя, что недаром
Ты вышибал одним ударом
Любую дверь в кино!!

Александр Флит

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ

Рис. Б. Антоновского

— Чорт знает, отец, как твоя бывшая жена за мной смотрит! А ты еще выдаешь на меня такие большие алименты!

ВЕСЕЛАЯ ПУТАНИЦА

Посв. станции Фастов (Ю.-Зап. ж. д.), а также и многим другим уголкам СССР.

Блондин в сером пальто так называемого солдатского сукна пристально вглядел́ся в соседа, нервно теребившего кончик пы ных черных усов, которые были настолько черны и густы, что казались приклеенными.

— Г. е я его встреча ? Ужасно знакомые усы... И вдруг вспомнил.

— Простите — сказа он—вы не из Фастова?

— А из Фастова. А как же!

Усы быстро повернулись к блондину.

— Батюшки,—товарищ Репин! Сколько лет, сколько зим!

— Афона... постойте, как же вас дальше?

— Афонаськин! А как же иначе! Афонаськин... Забыли? Ах, ты боже мой, какая приятная встреча! Три года не видались!..

На ближайшей остановке оба вышли из трамвая и решили зайти посидеть в пивной—потолковать о старине.

— Ну, дорогой мой—радостно говорил Афонаськин, обсасывая усы, украсившиеся пивной пеной—ка зя у нас нынче ж знь в Фастове! Вы бы, прямо скажу, не п изнали бы—всё перевернулось вверх дном. Помните Мякина?

— Ну?

— Человек, как вы знаете, пожилой, многоуважаемый и даже партийный. Детишки у него, жена .. Одним словом, семейный быт. И что же? Закручивает тая жена связь с комсомольцем Щуковым, ни больше ни меньше—шестнадцати годов отроду. Щукова не помните? Хотя в ваше время он, как говорится, под стол пешком ходил без всякого партийного стажа. Хорошо-с. В семье, конечно, — разлад, в результате чего оскорбленный Мякин выгоняет жену из дому. Та, конечно, — на жительство к комсомол цу, а последний, конечно,—отбой играет. Не надо, говорит,—я несовершеннолетний и содержать жену считаю категорически предрассудком. Хе-хе! Одним сл вом, — „не надо нам раввинов, не надо нам попов, мы на-небо залезем, разгоним всех богов"... Что же теперь делает несчастная жена?

Афонаськин выде жал паузу и строго сказал:

— Теперь несчастная жена превратилась в блуждающую, без определенных занятий. А Болтуно а и Чешурина припоминаете? Недавно Чешурин чуть не помер—две недели в больнице отлежал и даже пособие получил от Учстрахкассы. А было дело так. Болтунов в отлучке был, а Чешурин, конечно, к Болтуновой жене на ночлег определился. И вдруг, среди самой прекрасной ночи, является на место преступления сынок Болтунова с компанией неизвестных людей. Конечно, сынок загибает Чешурина по матери и, при содействии неизвестных, лупцует его, по чем попало.

— Хорошая школа для детей!—усмехнулся Репин.

— А то как же!—обрадовался Афонаськин — Вот это ж самое и я говорю. Например, дитё, выйд из дому, не уверено, чего будет при обратном возвращении: или мамаша убегит, или папенька на чужой оженится. И знаете, через эту неуверенность, всякое шутливое материнское слово всерьёз принимают: а вдруг, мол, действительно, не простая игра слов, а намек на позорный факт? А, например, порядочному мужу—не знай, что делать, чтобы свою жену от грехопадения уберечь. Спишь, а все об этом размышляешь...

— Позвольте, ведь вы, кажется, женаты?—спросил Репин.

— А то как же! Я же и говорю, что очень трудно с женою Я через жену и сюда, в город, приехал. Убегла, стерва.

Афонаськин залпом осушил стакан и кинул в рот соленую горошину.

— Седьмые сутки нету. И ведь до чего скоропалительно! Одиннадцато о я в ехал из Фастова. Ворочаюсь двенадцатого—и уже нету Что, где, куда? Распрашиваю соседей.

Кажись—говорят — у Птахина, у него поищите. В бешеном настро нии хватаю, за отсутствием революверта, молоток и бегу к Птахину.—Где—кричу моя жена!?—„Убегла, говорит, стерва. Пол-ночи провела и к Гаврюкову смылась. Я, ему, прохвосту, за это все зубы выкрошу!"

Гляжу, действительно, не врет и очень озлоблен, как пострадавший. Ну, побегли мы оба к Гаврюкову — двоим, конечно, бить легче. Я с молотком бегу, а Птахин с гирькой. Гирька у него такая—для развития физкультуры. Прибегаем. И что же? Нету Гаврюкова: срочно выехал в город. „Опоздали!"—говорит Птахин. А я справляюсь: один, мол, уехал, или с женой? „Да"—говорят—„с женой. С новою женой, а с арая дома осталась, с детям."—„Эх, Варька, Варька! Что ты со мной сделала!" — стонет Птахин, по адресу убегшей моей жены, а я, как энергичный, раз-раз!—на поезд—и сюда прикатил, вдогонку, значит.

— Ну, и что же? Нашли?—спросил заинтересованный рассказом Репин.

— Нашел.

Афонаськин поднял стакан и посмотрел на свет.

— Нашел. Кажись, бабёха ничего. В купе вместях ехали. Попутчики. Смотрю, этакая девица, вполне скромная. Слово-за-слово. Познакомились. Я, конечно, чайком напоил. На днях думаем пойти в ЗАГС. А то как же!

Иван Прутков

КА... ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

Милюков уехал в Рим к папе для исходатайства у него денежной помощи. (Из газет)

Папа любит маму—
Мама любит папу.
Папа любит бедняков—
К папе едет Милюков.
Мама любит папу—
Папа любит маму.
Папа деньгами богат—
Милюкову даст деньжат.
Мама любит папу—
Папа любит маму,
Но не любит дураков...

Бедный, бедный Милюков.

В. Финити

ПРИСПОСОБИЛСЯ

Рис. Н. Радлова

— Не можете ли сказать, где зав?
— Здесь, но вышел.
— А помзав здесь?
— Но вышел. И секретарь здесь, но вышел.
— А .. не дадите ли тогда вы сами справочку, насчет...
— Я, гражданин, сам вторую неделю свою справку самолично навожу.

РЕДЧАЙШИЙ ЭКЗЕМПЛЯР

(Фантастический рассказ)

— А вот в том шкапу,—сказал заведующий музеем—находится единственный во всем СССР, редчайший в своем роде экземпляр обывателя эпохи 1905-го года.

— Восковая фигура или чучело?—деловито заинтерисовался один из экскурсантов.

— Нет, дорогой товарищ,—с гордостью заметил заведующий,—нет.— Это не восковая фигура и не чучело, а совершенно настоящий, подлинный, нетронутый молью и временем превосходный экземпляр обывателя эпохи 1905-го года.

— Как же так? — хором спросили экскурсанты.

— А так. Единственный в мире случай летаргического сна. Чудо в духе Уэльса. Как впал человек в обморочное состояние двадцать лет тому назад, так до сих пор и не выпал из него.

— Не может этого быть!

— Вот вам и не может! Дело было так. Этого обывателя в 1905 году по ошибке задержали вместе с какими-то демонстрантами и отправили в участок. „Ты кто такой есть?"—спросил его дежурный околодочный.— „Я-с, ваше благородие, чиновник 12 класса, и ничего такого-с"... — „Ой врешь! А почему у тебя в глазах вроде как бы освободительное движение? Молчать! К какой партии принадлежишь?—Да как стукнет кулаком. Тут обыватель и впал в глубочайший обморок, который впоследствии перешел в летаргический сон. В свое время об этом даже в газетах заграничных писали. Лучшие врачи ничего не могли поделать. А один видный профессор так прямо и заявил: „Теперь субъект выйдет из своего летаргического сна не раньше, чем лет через двадцать" Вот, ведь, какая штука, дорогие товарищи.

— И что ж, он действительно хорошо сохранился? Ах, как интересно и поучительно посмотреть!

— А вот вы его сейчас увидите. Такой, понимаете, забавный экземпляр! Слов нет. Зонтик, калоши, серебряные часы,—все честь-честью Замечательный образчик обывателя. Пальчики оближете. Прошу убедиться.

С этими словами заведующий открыл шкап и, вдруг, в ужасе отскочил назад.

Шкап был пуст.

— Исчез!—воскликнул с тоской заведующий.

— Сперли, наверное—выразили предположение экскурсанты.—Досадный факт.

— Не может быть, чтобы сперли! Кресты с могил, действительно, прут. Бывает. А до покойничков еще не доходило.

— Но что же? Что? Не ушел же он сам?

— Позвольте, товарищи. Ведь как-раз прошло двадцать лет. Может быть, он проснулся и того...

— И очень даже просто.

— В таком случае—завопил заведующий—его надо спешно отыскать. А то он еще, чего доброго, под автобус попадет. Я же за него несу ответственность. Как это швейцар не доглядел? Извините, товарищи. Бегу, бегу!

* * *

Очнувшись от летаргического сна, обыватель прежде всего потрогал ноги—не пропали ли калоши, затем пощупал зонтик, высморкался, осторожно вышел из шкапа и беспрепятственно вышел на улицу.

— Домой! Как можно скорее домой! — пробормотал он. — Боже, что подумает жена! Что скажет столоначальник! Ночевать в участке — какой стыд! Извозчик, третья мещанская!

— Два рублика.

— Да ты что, братец, белены объелся. Четвертак

— Сам белены объелси! Тоже, ездок н шелся!

— Скотина! Он еще грубит! А в участок хочешь?

— Ты меня еще городовым постращай.

— Ах, ты, к-каналья! Над властями издеваешься? Устои подрываешь? Погоди, голубчик, вот я сейчас запишу твой номер! Го-ро-до-вой!!!

— Ишь ты! — с уважением воскликнул извозчик — и где это только люди понасобачились добывать в воскресенье горькую? Ума не приложу

И, между прочим, не менее двух бутылок, ежели на ногах держится, а кричит: городовой!

Обыватель тщательно записал номер дерзкого извозчика и пошел пешком.

— Товарищ, скажите как тут пройти на Дмитровку?—спросил у обывателя встречный юноша.

— Что-с? — завизжал обыватель. — за кого вы меня принимаете? Вы, кажется, думаете, что я из освободителей? Не товарищ я!

— Ну, — гражданин. Извиняюсь.

— Не гражданин я.

— А кто же вы такой?

— Я чиновник 12-го класса и кавалер ордена святыя Анны третьей степени. А ежели меня по ошибке задержали вместе с революционерами, то это, молодой человек, еще ничего не доказывает...

Юноша пристально всмотрелся в глаза обывателя и опасливо отошел в сторону.

— Вот ведь какая неприятность — пробормотал обыватель. — Уже на улицах стали называть товарищем. Дойдет еще до столоначальника, чего добраго. Как пить дать, выгонят со службы. Надо что нибудь предпринять такое...

Обыватель поглубже засунул руки в карман и запел „Боже, царя храни“.

— Эй! Газетчик! Дай-ка мне, милый, два номерочка „Русского Знамени“.

— Чего-с?

— „Знамени“, говорю „Русского“ дай два номерочка. Или даже, лучше, три.

— Нету такой газеты.

— Нету? Ну, дай „Новое Время“.

— Нету такой газеты.

— А что же есть?

— „Рабочая Газета“, „Правда“, „Красная Звезда“.

— Ах, ты, нахальный мальчишка! Устои подрываешь? Нелегальщиной торгуешь? А вот я тебя, негодяя, в участок сведу.

— Не имеете права. Я налог плачу.

— Ла-а-дно! Я тебе покажу налог!

Обыватель тщательно записал приметы и номер крамольного газетчика и, нудно скрипя калошами, пошел дальше.

Над фасадом большого дома обыватель прочел надпись: „Московский Комитет Российской Коммунистической Партии“.

— Тэк-с... приятно. На глазах у всех, так сказать, подрываются устои. Так и запишем. И уличку запишем. И номерок запишем. Все запишем.

Обыватель внес необходимую запись в памятную книжку и пошел дальше.

— Товарищ, разрешите прикурить? — остановил обывателя толстый гражданин в бобровой шубе.

У обывателя ёкнуло сердце и подкосились ноги.

— Хи-хи... Не извольте сомневаться. Никак нет. Никакого причастия к нелегальным подпольным организациям, революционным кружкам и политическим группировкам не имею-с и не являюсь, так сказать, „товарищем“, а ежели ночевал в участке, то поверьте, ваш...превосхо...дительство... роковое недоразумение... Несчастное стечение обстоятельств... Ва...ва . ва...

Гражданин в шубе в ужасе шарахнулся в сторону.

* * *

Исколесив всю Москву и уже окончательно отчаявшись в успехе поисков, заведующий музеем, поздно вечером, наконец, к великой своей радости, нашел исчезнувший экземпляр обывателя.

Экземпляр стоял посредине Театральной Площади на коленях и, рыдая, говорил:

— Как честный человек... Роковое недоразумение... Чиновник 12 класса и никакого причастия не имею. А ежели ночевал в участке, то, видит бог, по ошибке... Боже, Царя, Храни!.. А что касается извозчика № 4921 и газетчика № 12, (блондин 14 лет глаза голубые, особых примет не имеется), то могу подтвердить, что они есть замешанные в движение, особенно газетчик, который продает подпольную нелегальщину... Опять же могу указать адрес Московского Комитета Коммунистической партии... А ежели ночевал в участке, то...

Многие прохожие останавливались и давали ему копейку

* * *

Две недели бился заведующий музеем, растолковывая обывателю сущность событий и перемен, случившихся за последние 20 лет.

В начале третьей недели обыватель уразумел.

В конце третьей недели обыватель поступил в трест.

А в начале четвертой, как то вскользь, во время обеденного перерыва, сказал сослуживцам:

— 1905 год? Как же, как же. Помню. Даже, можно сказать, лично участвовал в борьбе с самодержавием. Сидел, знаете, даже. За участие в демонстрации .. Были дела! Ну, да о чем толковать!. Мы старые общественники-революционеры... И, вообще, вихри враждебные воют над нами...

* * *

Говорят, что один раз он не без успеха выступал даже на вечере воспоминаний о 1905 годе.

Но это не достоверно.

Все же остальное—факт.

Валентин Катаев

ЗА СУГРОБАМИ

Снегу, снегу под застрехи, на заваленки
Навалило нынешнюю зиму—страсть.
Мужикам, известно: кочетыг да валенки,
А у баб одна забота: щи да прясть.
Скрипит позвонок над спорью лыковой,
Прялки помнят кудельный сказ.
С Покрова до поста великого
Спит зима в миллион глаз.
Столетняя хворь на печи намается,
Сосунок-херувим в небо порхнет,—
На погосте лом тупой долго ругается:
Чугуном устыла земля—сталь не берет.
А там—метель-трясотка с полночи сбесится,
Черное сено косматых туч
Дымит на острой рогатине месяца,
И ветер-кнут свистящ и жгуч.
Ветла-горбунья в земь бьет—молится,
Бешеный скачет в белом поле конь...
Ничего, ничего... Лишь на самой околице
Изба—смельчак не гасит огонь.
И дымок из трубы, струйкой теплою
Ковыряет у седой метели в носу.
В избе закусывают не воблою
И не краковскую жуют колбасу.
Хрустит на зубах здобь капустная,
Устрицей пискнет соленый огурец,
И хозяйка—баба, ой-ой, не грустная,
И гости—к молодцу молодец.
Слеза чистейшая прямо из под крантика;
(С сорокаградусной-то животы болят)...
Пошехонская ты моя романтика,—
Не шаг-ли ты назад?!

Алексей Липецкий

ГОРЬКАЯ ИСТИНА

В совхозе гор. Липецка сверхурочные выдаются не деньгами, а живыми поросятами.
(„Тамбовская Правда“).

Рис. Л. Бродаты

— Иван Иванычу нашему вчерась ба-альшую свинью подложили!
— Сократили, что-ли?
— Не .. Просто, жалованье сразу за два месяца выдали!

ОСНОВАТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

Рис. Л. Бродаты

О-во Друзей Радио предложило правлениям железных дорог установить радио-приемники на вокзалах и станционных платформах. (Из газет.)

— Федюков! Давай скорей свисток: курьерский отправлять надо!
— Обождать придется маленько, товарищ начальник! Так что у радии еще третий акт из „Аиды" остался!

ХИМИКИ

Сельский поп отец Михаил Добров, приехавший в уездный город по своим делам, остановил каурую лошаденку и прочел угловую афишу:

„Зал им. т. Калинина. Доказательства о том, что бога нет. С демонстрацией новейших методов обновления икон и прочего".

Поп покрутил куделистую бороденку, чмокнул и сказал:

— Чудеса...

И поехал дальше по Пятницкой улице к зятю Ивану Иннокентьевичу. Целый день поп ходил по зятевой квартире и пытал дочь Серафиму:

— Как же это, Серафима, иконы, говорят, научными способами обновляют? А? Ране-то святые это делали, а теперь люди. Правда ли это? А?

— И очень просто,—говорила Серафима—не до того еще дело дойдет. Вон молоко-то уж на какие-то литры продавать стали. Извольте видеть, десять копеек литр. А вы, папаша, если этими делами заинтересовались, взяли бы у Вани визитку, волосы под шапку подобрали бы и сходили в клуб-то. Удостоверились бы, что и как..

Вечером поп Михаил в зятевой визитке пришел в безбожный клуб. Он протискался в первые ряды и по обычаю сложил руки на животе. Через час какой-то длинноволосый прочел скучную лекцию о боге (поп, слушая, сердито покашливал), а потом началось обновление.

— Вот, граждане, как попы народ обманывают,—громко говорил черноволосый мужчина.— Вот видите, темная икона богородицы. Мы берем химический состав, раз-два; натираем тряпочкой и видите...

Икона, действительно, обновилась и выглядела новенькой.

— Чудеса..—бормотал поп, пробираясь для проверки на сцену.

— А дозвольте спросить, какой же это химический состав?—любопывствовал поп у черноволосого.

— Очень простой. Пять грамм натрия бикарбоникума и десять гипосульфита..

— Ска-ажите...—изумленно протянул поп, записывая рецепт:

— И кто же это выдумал?

— Химики-с! И первый из них Жорж Бертло.

— Так-с... Жорж Бертло, значит. Так и запишем.

На утро, не устроив как следует своих дел, наспех попрощавшись с зятем, поп отец Михаил, закупив в аптеке гипосульфита и натрия бикорбоникума, ехал рысцой домой.

— В пределе Иоанна Крестителя обновить—раз, у алтаря—Серафима Саровского, два...

Поп загибал пальцы и с опаской ощупал (здесь ли?) аптечный пакет.

— Чудеса...—бормотал он, подстегивая каурого коня.

— Если эдак обновим, весь народ от соседнего прихода переманим. Надо будет тогда толем крышу покрыть, корову вторую куплю...

Всю ночь поп сидел у себя в кабинете, смешивая снадобья, а утром прежде солнца прошел в церковь и один без сторожа натер с полдесятка икон. Чудо совершилось и иконы заблестели как новые.

Через два дня народ валил взлом в Ильинскую церковь, где поп отец Михаил едва успевал отслуживать молебны.

И только в воскресенье, днем, как-раз после причастья, попа вдруг заела совесть.

— Эх, поп, поп,—говорил он шопотом сам себе, перевертывая привычными пальцами страницы евангелия:

— Сколько медяков уж собрал, а ладно ли поступаешь? Ладно ли? Забыл главное-то...

Поп быстро прошел к окну, где лежала книга записанных «на вечное время» — о здравии и упокое, обмакнул перо в чернильницу и в графе «о здравии» записал размашистым почерком:

— Егор Бертлов.

Посыпал написанное песком, сдул его, захлопнул книгу и снова прошел к престолу: теперь на душе было уже легко и совесть молчала.

В. Тоболяков

БЛАГОДЕТЕЛИ

(Профсоюзная быль)

Я прочел сей факт в газете — не подслушал под-дверьми...
Посвящаю строчки эти профболванам из Перми.

Некто (скажем, Федор Блуза — чтобы как-нибудь назвать!) — совработного союза член — примерно — лет уж пять.

Без работы жизнь — не чудо.

От таких печальных дел вдруг понадобилась ссуда...

Федор Блуза — в Губотдел.

— Так и так-мол. Жить на свете — очень трудно без грошей. Вы отцы. Мы ваши дети. Дайте двадцать целкашей.

Губотдел очки надвинул, так сказать, на самый нос, что-то взвесил и прикинул и ответил:

— Хорошо-с. Ублажу тебя, голубу. Для своих — из шерсти клок. Только скинь за это шубу и отдай ее в залог.

Самый факт исчерпан этим.

Здесь — и принцип и подход.

Но, конечно, даже детям ясен дел дальнейший ход.

После Блузы — Пров Сметанин.

После Прова — Сидор Жмых, Карп Дурдин и Осип Ванин с Иннокентием Новых. Клим Седов, Аким Болотный...

Люди — пасынки судьбы!

Разве мало безработной совработной голытьбы?

Дни летят. Идут недели. Люди сохнут, как Кащей.

И скопился в Губотделе склад поношенных вещей.

Сапоги, жилеты, юбки, брюки, кофты, пиджаки, кителя и полушубки, полушалки и платки!

Стали думать в Губотделе:

— Сто тюков... Пятьсот корзин... Ведь не гнить-же, в самом деле!

Помудрили. Посидели. И открыли магазин.

И в условиях вольготных (ставки! премии! счета!) тридцать восемь безработных были взяты на места.

В том числе и Пров Сметанин, Федор Блуза, Сидор Жмых, Карп Дурдин и Осип Ванин с Иннокентием Новых.

Встали. Взяли метры в руки. Надорвали корешки.

— Налетай, народ, на брюки, юбки, шубки и платки! Вот-с! Пожалуйте-с! Уступка-с! Прочность — свыше всяких сил! Превосходнейшая шубка-с! Знаю лично. Сам носил!

Жизнь играет.

Люд за делом.

Креп, сукно, роглан, и клеш...

Эх, с хорошим Губотделом и в Перми не пропадешь!

А д'Актиль

ШАПОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

— Слушай, откуда у тебя знакомство с этим хулиганом?

— Так, шапочное знакомство. Шапку он с меня на улице сшиб.

НА БОЙКОМ МЕСТЕ

Рис. Б. Малаховского

— Должно быть, получена последняя книжная новинка?
— Нет, это старая вывеска... Здесь теперь отделение Госспирта.

ПЛАЦКАРТА

Рис. Н. Радлова.

Согласно проекта нового закона комиссии по борьбе с пьянством, вводится ограничение права провоза водки по железным дорогам пассажирами—двумя бутылками. (из газет)

— Вам докуда?

— Мне до Харькова один билет, да еще один билет на эти две лишних бутылки до Тулы, а в Туле мы их прикончим!

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ПАЙ-ПРИКАЗЧИКИ ИЗ ПАЙТОРГА

В Сталинграде (Царицыне)

В универсальном магазине Пайторга свой способ привлечения покупателей.

— Товарищ приказчик, отпустите мне 10 метров бязи.

— Зачем вам?

— Для белья.

— *Не отпущу. Для белья вы в состоянии купить лучше.*

И не отпустил.

Войдет, скажем, покупатель в такое кооперативное заведение: так и так, нельзя ли пару галош № 10-й?

— А зачем вам?

— Для хождения по улицам.

— Что вы? Вы в состоянии ездить, а не ходить! Разрешите предложить вам местный форд-ландоле.

И не даст, подлец, галоши, хоть умри!

Странный город: в нем состоятельные рабочие и несостоятельная кооперация!

ТУЗЫ НИЗОВОЙ КООПЕРАЦИИ

Расказывает рабкор в „Кочегарке" (Донбаса):

Богатейший выбор товаров в отделении Боково Антрацитовского рабкоопа, при шахте № 2. Прибыли на днях в рабкооп товары.

Рабочие толпой повалили в магазин, надеялись достать мануфактуру, обувь и всякую одежду.

Но ошиблись. Ничего подобного не оказалось. Приходит рабочий в рабкооп. Подлетает к нему приказчик: „Вам что угодно?" „*Да вот мне-бы шапку*". „*Шапок нет, а вот карты игральные получились, не угодно ли?*"

Странное дело: кооперации карты в руки, а козырнуть нечем.

А вы говорите, что дело—„в шляпе"!

ДУХОВНОЕ РОДСТВО

Не имей сто рублей, а имей одного друга—например, осмотрщика вагонов.

Пишут нам из Киева (станция Киев товарный, Ю.-З. ж. д.):

Псаломщику местной церкви, Маркевичу, понадобилось по „требе божьей" что-ли, съездить в соседний городок. Вспомнил про своего приятеля, осмотрщика вагонов ст. Могилев, гр. Загрибельного и немедленно отправился к нему.

А гр. Загрибельный рад стараться:

— Кондукторы (п. № 22, 14Х/) голубчики, подвезите моего *братца* без билета, куда он вам скажет.

Кондукторы, *не зная, что это никакой брат*, гр. Загрибельного, усадили Маркевича в вагон и увезли.

Позвольте, а ежели „какой брат", сват или теща,—тогда, значит, можно и без билетов возить?

Не слыхали, что-то, о таком законе.

Что касается осмотрщика Загрибельного, то придется ему впредь писать в анкетах, в графе родственников:

„Брат - псаломщик (имя-рек), свояченица—псаломщица (имя-рек), племянники—псаломята (имя-рек)"...

Помилуй мя, боже! Помилуй мя!

Пропал человек...

ПРОФ-ГОРЬКАЯ

Архангельская газета „Волна" пишет о том, что:

— На общем собрании железнодорожников на ст. Обозерская разбирался вопрос о запрещении продажи горькой в буфете, потому что на ст. прибывает до 2.000 человек сезонных рабочих. *Члены профсоюза постановили ходатайствовать не только о продаже в буфете, как было, но и на вынос.*

Сознательный народ обозерцы: вынос резолюции срочно превратили в... *резолюцию на вынос.*

Хороши профсоюзники, у которых на знамени начертано черным по белому (или золотым по красному):

„*В борьбе с самогоном обретешь ты право свое... на очищенную!*"

ДОЧКА С ПОТОЛКА

В прежнее время многие родители, объясняя своим деткам появление на свет младенца, говорили:

— Аист принес.

Этот пережиток сохранился и до наших дней. А пора бы сдать аиста в архив Пора сказать, что аист детей не носит, а что носит детей административный отдел Юго-Восточных ж. д.

Сообщает „счастливый папаша":

18 октября с. г. на ст. „Ростов-Дон" найдена девочка среди беспризорных, заявившая при опросе, что она—дочь Григория Полякова, служащего Юго-Восточной ж. д. Некто. т. Задера, запрашивает Управление Юго-Восточной ж. д. и получает ответ административного отдела:

„... среди служащих Правления и Управления Ю.-В. ж. д Григория Полякова по алфавиту не значится. *По частным данным*, полученным от сотрудницы административного отдела, на ст. Зверево имеется делопроизводитель Григорий Поляков, которого просьба известить о найденной девочке, именующей себя дочерью Григория Полякова".

Не верится, чтобы на Юго-Восточной ж. д. не было еще нескольких Поляковых, а в том числе и Григориев. Нужно бы адм. службе, прежде чем давать такие справки, запросить службы, отделения, участки, и, быть может, тогда бы искомый Поляков нашелся.

У меня имеется семья, но никого из членов её я не терял. Иметь неожиданное прибавление семейства по милости опрометчивой справки адм. службы Ю.-З ж. д. для меня не по карману.

Ничего, брат, не поделаешь! —

Аист принес. Вернее сказать:

А. Ю. Ст.—Администрация Южных Станций.

ПАРИКМАХЕРСКИЙ ЗАРЕЗ

Сообщает рабкор в „Советской Сибири", о том, что в г. Ново-Николаевске

Заведывающим парикмахерскими К-та Биржи Труда *был назначен базарный сборщик, совершенно незнакомый с парикмахерским делом.* В результате дефицит в 2000 руб. *Взамен сборщика завом парикмахерских назначен пекарь.*

Счастье, что никого не зарезал, а деньги —это пустое: было 2000 дефициту, а при пекаре 4000 будет, только и всего.

Обидно только, что сократят такого пекаря, вернется в пекарню и волосы запекать начнет по привычке!

МЕНЮ 58%

Обследование вопроса питания студенчества показало, что хорошо питается 18%, а плохо—24%.

Студент-медик Ракович попал в число 18%.

Ветеринар Попучко—в число 24%.

А технологу Костинскому не оставалось никакого %.

И он сам виноват.

Технолог Костинский питался по той системе, о которой говорят:

— „Ни хорошо, ни плохо".

Говоря попросту, он совсем не питался.

Правда, газеты писали о нем, что он-де „грызет гранит науки", но статистика на это не обратила ровно никакого внимания.

Когда обследователь-статистик Гаврилов вошел к нему в комнату, технолог валялся на кровати и мечтал: что было бы если бы ему посчастливилось вдруг найти на улице копеек 8, ну, хотя бы даже—6...

Или—если бы вдруг в комнату вошел человек и сказал:

— Слушайте, не можете-ли вы продать мне старый ремень с медной пряжкой? Мне чертовски нужно! Я бы вам дал .. 20 копеек!..

Ясно, что, когда статистик вошел, Костинский с надеждой поднялся на кровати и нащупал ремень—а вдруг?!..

Но статистик деловито спросил:

— Обедаете ежедневно?

— То-есть, как?—не понял технолог.

— А так. Очень просто. Что едите?

— Обыкновенно! Что—все!

— То-есть, например?

— Гм... Странно... Разное: ну, там, картошку, могу битки, щи, даже эту могу—как ее?—такое еще мудреное слово?—яичницу!.. Все могу!

— Гм... Можете? Это немножко другое дело! А что едите фактически?

— Фактически?.. Чай, вообще, ну, и что придется...

— А именно: что приходится?

— Разное!—гордо бросил технолог.—Во вторник, например, ел эту—как называется?—ну, такая еще вкусная рыба?.. Селедку!!

— А еще?

— Гм... Странно... Может быть, завтра еще... Тут у меня один ремень продается... С хорошей медной пряжкой, довоенной крепости, и вообще—я бы дешево мог отдать..

Статистик Гаврилов достал листок и в графе против вопроса: „как питается?"—поставил:

„———"

Так студент-технолог Костинский попал в число „беспроцентных".

Но если вы знаете немного арифметику, то вам не так трудно будет высчитать % питания по системе „ни хорошо, ни плохо":

— 24+18=42.

— 100—42=58.

Итак,—58%—„ни хорошо, ни плохо", т.-е.—никак.

А вот зато медик Ракович питается здорово!

Когда статистик Гаврилов пришел в его комнату, медик сидел за столом в пальто и шапке и внимательно изучал какой-то костяк.

— Фемур... ульна,—бормотал он,—тибиа...

Статистик снял шапку, но сейчас же, из вежливости, надел ее,—невежливо снимать шапку в комнате с температурой в 3° R!—и спросил, взглянув на кости:

— Обедаете, товарищ?

Услышав слово „обед", медик улыбнулся мечтательно и сконфуженно: где-то когда-то он слышал это слово...

Но где? когда?..

— Так!—отвечал сам себе статистик.—Хорошее дело! Вареное мясо?.. Ишь, как обгладали!.. Верно не каждый день—того?

Статистик кивнул на огромную кость, которая называлась „Фемур".

— Как не каждый день!—обиделся и испугался Ракович.—Вы, товарищ, верно от комиссии по выявлению активности? Простите, каждый день... Даже хозяйка может подтвердить!

— Нет, зачем же хозяйка,—снисходительно сказал статистик.—Мы и так верим. Так—ежедневно?

— Ежедневно!—гордо подтвердил медик.—Даже коллега Соня Берзина может...

— Хорошо!

Статистик записал в листке:

„Обед ежедневно. Вареное мясо".

И медик Ракович оказался в числе 18%...

А если вы пойдете в студенческую столовку,—вы увидите ветеринара Попучко, пожирающего кашу. Он съедает пол-тарелки, пол—потому, что перед ним нет целой, и самодовольно улыбаясь, думает:

— А здорово я натрескался!

И только наивная статистика может занести этого сытого человека в категорию:

— „Плохо питающихся"!.

Впрочем, не надо забывать, что все они—и медик и ветеринар и технолог—кроме каши и костяков, питаются еще неизменно одним постоянным меню:

— „Грызут гранит науки"!

Э. Гард

КАК У ЛЮДЕЙ

Рис. К. Рудакова.

Наркомземом разрабатывается проект введения всеобщей обязательной паспортной системы для лошадей. (Из газет)

— Чего это кобыла брыкается?

— Недовольна! По зубам ей всего шесть годков выходит, а в паспорте ей девять определили!

СЛУЧАЙ СО СТАРУХОЙ

Я вошел в кабинет Макара Мамашкина в тот самый момент, когда он кончал читать просьбу стоявшей тут же старухи в п нев; и с сумкой на спине.

— Подожди минутку,— попросил он, и обратившись к старухе, сказал:

— Твое, бабушка, д ло правое. Ты, бабушка, хорошо сделала, что обратилась к нам. Мы этого халяву так припаяем, что он на три года позабудет о том, как обижать старух.

— А суд-то будет?—спросила старуха.

— А как же? О'язательно, суд. Без суда его, разбойника, нельзя припечатать. Будь покойна,—сядет!

Заметив, что старуха не проявляет ни одного признака желания уйти, Макар, со всей свойственной ему деликатностью, сказал:

— Теперь, бабусенько, ты м жешь ехать домой, в свою деревню. Твоя бумага без тебя пройдет по всем местам. А потом вас обоих вызовут на суд, и все будет потвоему.

— Так,—сообразила старуха,—значит, мой бумаг останется у тебя?

— У меня.

— Так...—она немножко подумала,—а ты мой бумаг не потеряешь?

— Что ты, бабушка,—укоризненно пропел Мамашкин, — разве у нас бумаги пропадают! Мы вот твою бумажку сейчас по журналу проведем, а потом подошьем к делу. Целое дело будет за номером, в папке, вот оно как будет. Иди себе!

— Бумаг у тебя много,—протянула старуха,—смотри сколько бумаг. Одну потеряешь, плевое дело... А как капшук этот узнает, что ты потерял мой бумаг, так и съест меня. Съест, это уж ты будь покоен. А то и украдет бумагу, сам придет к тебе и украдет. Поїди ты усмотри за всеми бумагами, когда их у тебя, может, тыща, а может, сто. А он украдет! Он на все село первый вор. Ему плюнуть—смотаться к тебе в город и украсть.

— Экая ты, право! Да как же он может украсть?

— Он-то? Плохо ты его знаешь!

— Никак я его не знаю.

— Так и не говори. А он у самого председ теля,—ты это смекни, — у самого председателя!—шапку украл. А уж если узнает, что я подала на него бумаг, так что же по твоему,—будет сложа руки сидеть,—ешь меня Матрен Кирилна с квасом! Прибежит в город к тебе и украдет. Ты то суди: у председателя одна только шапка была, и то он ее украл. А у тебя вона сколько бумаг!

— Бабушка,—сказал Макар,—слушай лекцию!

Лекцию он читал, по крайней мере, пять минут.

— Поняла теперь,—спросил он после лекции,—что твоя бумага ни как не может пропасть?

— Милый,—затосковала старуха,—председатель тоже хорохорился: я, да я, да вон что я,—а разбойник-то мой не посмотрел, а упер шапку. Милай, родной, дозволь ты мне старухе постеречь мою бумагу.

— Это как так?—не понял сначала макар.

— А так, что сяду я в этот уголок и буду сторожить Я не шелохнусь, так буду сидеть, что ты меня ни разу не услышишь.

— Во первых,—ответил Макар,—суд будет через месяц. ..

— Что ж,—подавив глубокий вздох, перебила его старуха,—потружусь и месяц... Ты, миленький, только водички одной давай, сухарики-то у меня есть, а в дичку ты дашь. А я уж устерегу. Мой глаз зорок.

Во вторых,—сказал Макар,—этого нельзя. Пойми, что нельзя. У нас своя охрана есть. У нас....

— Милый, да что ей, охране-то, до моей бумажки? Кто чужое добро стеречь станет? Милый, охране-то деньги платить надобно, а я тебе даром постерегу.

— Экая ты! Ну, гот смотри, вот твоя бумага, вот я кладу ее в стол. Вот я запираю ящик на ключ. Вот прячу ключ к себе в карман. Ну как же теперь...

Старуха снисходительно улыбнулась.

— Милай—сказала она, у нас в потребиловке был скап. В том скапу жалезная дверь и толстая в трою голо у. И на три ключа запиралась. А захотели и обокрали весь скап. Допусти, родной. Вот в этот уголок сяду и замру. Запирай меня на ночь. Ни к чему не прикоснусь все будет в целостисохранности. Только и давай мне на день ковшик водички.

— Бабушка,—угрюмо объявил Макар,—я тебя прошу честно и деликатно: уйди. Молю тебя: уйди. Нельзя тебе здесь быть, и никто не украдет твою бумагу. Уйди!

От злых недружелюбных слов старуха сжалась в маленький комок и неслышными шагами пошла к двери. Взялась за ручку, постояла с минутку и сказала:

— Милай....

— Ну?

— Если тебе водички жалко, так я сама ее буду доб..

— Я тебя прошу, уйди,—бессердечно отрезал Макар.

Она вышла.

— Вот,—сказал Макар,—вот что тут делать? Ушла растерзанной, разбитой .. Что я мог сделать для нее?

Мы поговорили с час о моих делах и я простился с Макаром.

Выйдя в коридор, я увидел прежде всего старуху.

На ее лице было написано и сомненье и страх и непонятное мп: страдание.

— Милай,—остановила она меня.

— Что?

— Милай... Ты, часом, не спер... мою бумагу?

— Бабка!

— Милай, оживи мою больную душу. Спер, или не спер?

— Бабушка,—искренно ответил я,—лопни мои глаза, если спер!

— Побожись! Скажи, не дожить до Петрова дня!

— Ей-бог,—воскликнул я,—не дожить до Петрова дня!

— Скажи,—лопни моя утроба!

Только после этой клятвы она отпустила меня с миром.

А через неделю Макар сказал мне:

— Ты помнишь ту старуху? Так она поселилась у сторожа. Живет у него, а ночью коридор сторожит... Решили вне очереди ее дело разбирать....

Евграф Дольский.

У СВАХИ

— А невеста-то блодинка или брюнетка?

— Беспартейная она, батюшка!

ВХОД И ВЫХОД

(Еще на мотив „Кирпичики").

Ри . Н. Р.

— А где тут завод, который 8 лет стоял?

— Стоял то он, может, здесь и больше, а сейчас его в ход пустили: окрестные жители по кирпичикам растащили!

ССЦ... СТРАШНАЯ МЕДИЦИНА

Сплошь-и-рядом, когда заболевает ребенок и на квартиру вызывают врача, то бюро Соцстраха присылает венеролога, гинеколога и т. п, но не врача педиатра.
(Из газет).

Вызванный по телефону к больному врач соцстраха быстро снимает в передней шубу и односложно спрашивает:

— Какие признаки заболевания?

— Животик распух, доктор. И рвота.

— Гм.. Животик и рвота? Беременна .

— Это на шестом-то месяце?

— Вот именно, на шестом. Через три месяца родит.

— Доктор, да это-ж младенец ..

— Знаем мы этих младенцев! Распущенность, падение нравов. Физкультурой занимаются, а потом родят и алименты требуют.

— Так мальчик это, доктор. У него живот тик и распух.

— Гм... мальчик, говорите? Редкий случай. В моей практике еще не было беременных мальчиков. Покажите.

Мать вносит ребенка.

Доктор вскипает, как чайник на примусе.

— Послушайте, это-же возмутительно. Я врач-гинеколог, специалист по женским болезням, а вы подсовываете мне мальчишку шести месяцев. У меня сегодня шестидесятый вызов, я устал, я...

— Чем-же я виновата, доктор, что бюро опять перепутало. Первый раз оно прислало зубного врача. Зубы он рвать младенцу хотел, а они у него еще и непрорезались. Потом венеролог пришел, сальварсан впрыснуть предлагал Теперь вы вот.

— Без-зобразие, — ворчит, надевая шубу, врач,—народят детей и беспокоят занятого человека.

— Что-же вы все-таки посоветуете?—с надеждой спрашивает мать. — Может быть, клизму?

— Аборта не советую—рассеянно роняет доктор и хлопает дверью.

У него шестьдесят первый вызов.

К. Шелонский.

ЖЕНИХ

У Ерошки гармошка
Трехрядная,
Виден с рожи, одежа
Нарядная.
Не вахлак и в кулак
Не сморкается,
Никогда, до стыда
Не спивается.
Речи:—„что-с да чего-с,"
Рассуждения,
Виден спец, молодец,
В обхождении.
Всем он мил, нету сил,
Обалдение,
„Специлист" „сицилист"..
Заглядение!
Засушил, сокрушил
Парень девицу,
С хохотушкой Катюшкой
Он женится:
Для дружка два платка,
Девка вышила,
За спасибом, „мерси вам"
Услышала.
Прут гуськом, в исполком,
Регистрация:
Как зовут? для ча тут?
Стаж и нацяя?
Вдруг притих наш жених,
Разве мысленно:
Социально опасный он,
Высланный!

. . . .

Рвет невеста без места
Нарушники,
Хоть ревет, не пойдет
За домушником!

Мих. Андреев

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

*

За последнее время целый ряд булочных и пекарен завели у себя тараканов в тесте. Редакция „Смехача", считая что монопольное право на отдел „Тараканы в тесте" принадлежит ей, будет возбуждать уголовное преследование против владельцев пекарен, незаконно открывших у себя вышеназванный отдел.

*

Не забывают у нас великого юмориста и сатирика. Даже вот „Шинель" его решили на экран перенести. Об этом Киногазета (№ 37) и пишет такие восторженные строки:

> Гоголевская „Шинель" на экране! Сценарий по „Шинели" пишет по заданию Севзапкино Юрий Тынянов, приглашенный теперь в худсовет Севзапкино.
>
> Режиссеру предстоит здесь большая работа—передать гоголевский стиль на полотне. В деталях. Мы эти детали не замечали в повести Гоголя

Действительно не замечали, потому что ниже пишут:

> Будет дан Гоголь с характерной для него парадоксальной интонацией. У Гоголя есть фраза:
>
> „Один читал Карамзина, другой—„Северную Пчелу", а третий—ничего не читал".
>
> Как оформить на полотне такие слова? Здесь—большая работа для сценариста и и режиссера.

Во-первых, у Гоголя есть фраза:

„Прочие тоже были, более или менее, люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто *„Московские ведомости"*, кто даже и совсем не читал".

А во-вторых, эта фраза не из „Шинели", а из „Мертвых душ", которые пока что экранизировать не собираются.

Кажется, сами-то вы тоже „даже и совсем не читали"!

*

Интересные неожиданные данные о Наполеоне-Бонапарте мимоходом сообщает Ленинградская Вечерняя „Красная Газета" (№ 2):

> Закрылись шикарные кабаки недавнего прошлого. Под стеклянным небом знаменитой „Стрельны" продолжают зеленеть старые гигантские драцены и магнолии, помнящие чуть не *нашествие Наполеона, сидящего прямо в грунту, подогреваемом особыми трубами с горячей водой.*

А мы думали до сих пор, что Наполеон покоится в доме инвалидов в Париже.

А он, оказывается, погребен в шикарном московском кабаке!

Век живи, век учись. Спасибо „Красной", и здесь не подкачала!

*

„Новая Вечерняя Газета" (Ленинград) сообщает своим читателям:—

> САМАРКАНД, 19. Недавно заместитель заведующего техническим училищем, Колесников, с целью самоубийства *вскрыл себе живот хлебной пилой и, не теряя сознания, начал руками выворачивать себе внутренности.*

Газета забыла сообщить дополнительно, что по наведенным справкам, гр. Колесников, вывернув внутренности, раздумал кончать жизнь самоубийством и с тем же хладнокровием вложил все органы на место, зашил сапожным шилом живот и явился в ближайшую милицию заявить о случившемся.

*

Та же газета сообщает, что

> Около деревни Поповка, Колчановской волости, Волховского уезда, недалеко от лесозаготовок, трагически погиб неизвестный прохожий.
>
> Полуобгорелый труп неизвестного был обнаружен лежащим на едва тлеющем костре.
>
> Положение трупа свидетельствовало, что неизвестный, разведя костер, сидел возле него и грелся. *Повидимому, неизвестный задремал, и во сне упал на горящий хворост и заживо сгорел.*

Недоверчивые люди в „Смехаче"! Не верится им, что если спящий человек упадет в костер, то и сгорит он заживо. Скорее всего, выпускающий газетки задремал, когда правил номер.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОГОРОД

— А знаете, как новый завком посадили...
— Ну?
— Ну, и сразу же зарплата выросла

Издатель: „ГУДОК" — Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский Гублит № 8199. Типография „Инвалид Печатник", Ленинград, Улица Войнова, 26. Тираж. 70.000 экз.

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН ПЛАТИТ АЛИМЕНТЫ

Рис. Б. Антоновского *Текст А. д'Актиля*

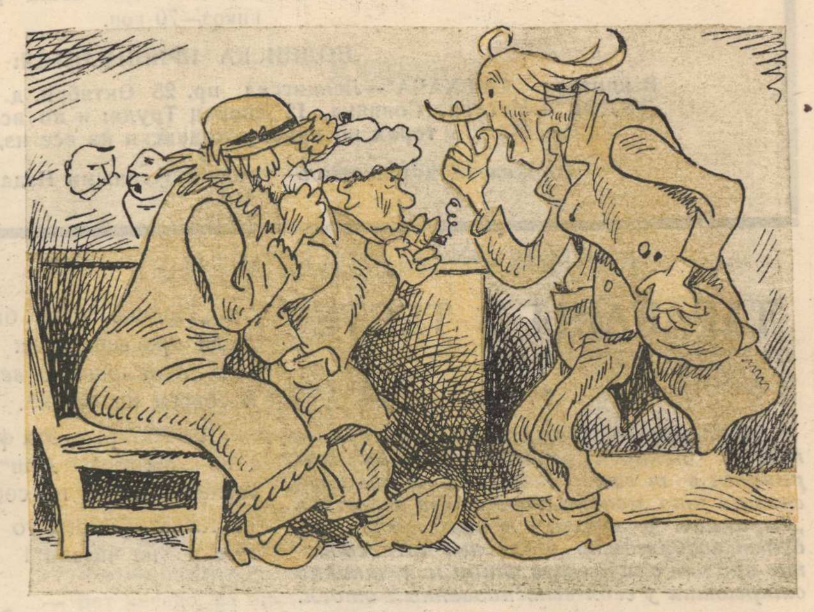
1. Он покупал древесный спирт...
О, юный пыл! О, робкий флирт!
О, заблестевшие глаза!
О, продавщица-егоза!

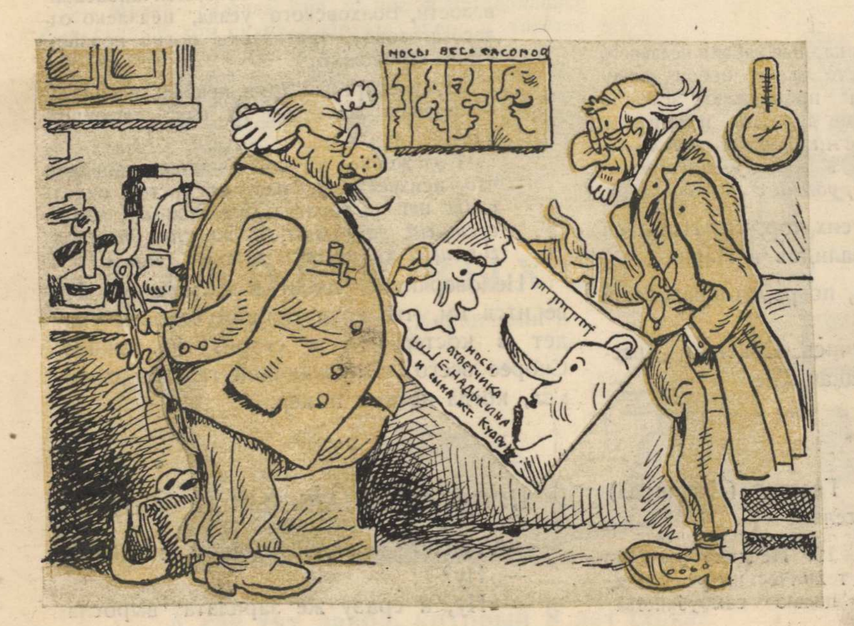
2. Циничен наш практичный век.
Корыстен нынче человек.
Три дня — и Надькину несут
Повестку с вызовом в Нарсуд.

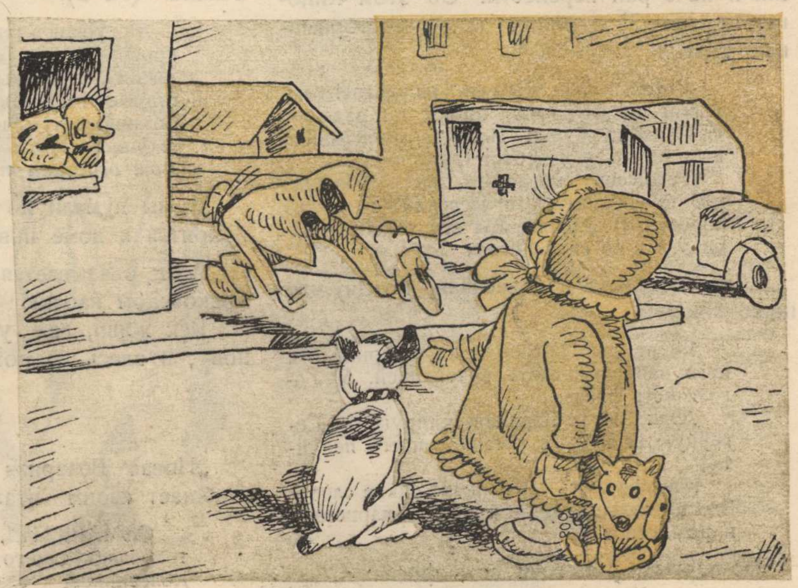
3. Глядит Евлампий: визави
Она и рядом — плод любви.
Учтен злодейкою момент:
Иметь желает алимент.

4. Стоит Евлампий как немой,
— Но он не мой! Не мой!! Не мой!!!
Сравните, бросив на весы,
Хотя бы разные носы.

5. Эксперты — баловни судьбы —
Стоят и мрачно хмурят лбы.
И вот ответ готов в момент:
— Носы отнюдь не аргумент!

6. С тех пор, завидев женский пол,
Евлампий прячется под-стол...
Так, обожжась на молоке,
Мы дуем на-воду в тоске.